

УДК 159.922.8

**Бондаренко М.А.,
студент магистратуры
кафедры психологии
Севастопольский государственный университет
Россия, г. Севастополь
Научный руководитель: Медведева С.А.,
кандидат психологических наук, доцент**

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ**

Аннотация: *Статья посвящена анализу структурного профиля социально-психологической безопасности личности студентов, проживающих в регионах с устойчивым социальным напряжением. На выборке из 58 студентов (17-25 лет) показано, что воздействие хронического стрессогенного контекста проявляется не столько в общем снижении уровня безопасности, сколько в специфическом рассогласовании её компонентов. Когнитивная картина мира остаётся сравнительно сохранной, тогда как эмоционально-мотивационное переживание защищённости и интегральная удовлетворённость жизнью существенно снижаются. Выявленный дисбаланс рассматривается как ранний маркер скрытого социально-психологического неблагополучия и обосновывает необходимость дифференцированного психолого-педагогического сопровождения.*

Ключевые слова: *социально-психологическая безопасность, структурный дисбаланс, студенческая молодёжь, социальное напряжение, эмоциональная удовлетворённость, сензитивность к общению, психологическое благополучие.*

*Bondarenko M.A.,
master's student
Department of Psychology
Sevastopol State University
Russia, Sevastopol
Scientific supervisor: Medvedeva S.A.,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor*

FEATURES OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL SAFETY OF STUDENTS' PERSONALITY UNDER CONDITIONS OF SOCIAL TENSION

***Annotation:** The article analyzes the structural profile of socio-psychological safety of students living in regions with persistent social tension. On a sample of 58 students aged 17-25 it is shown that chronic stressogenic context manifests itself not so much in an overall decrease of safety as in a specific mismatch of its components. The cognitive image of the world remains relatively preserved, whereas emotional-motivational experience of safety and integral life satisfaction decrease substantially. The revealed imbalance is considered as an early marker of latent socio-psychological distress and justifies the need for differentiated psychological-pedagogical support.*

***Key words:** socio-psychological safety, structural imbalance, student youth, social tension, emotional satisfaction, sensitivity to communication, psychological well-being.*

Обсуждение социально-психологической безопасности личности традиционно ведётся в категориях её общего уровня, включая высокий, средний или низкий уровень. Между тем накопленный в отечественной психологии теоретический материал указывает на то, что данный феномен имеет сложную внутреннюю организацию, и редукция этой организации к одной шкале способна скрыть наиболее существенные эффекты

стрессогенного окружения. Вопрос, который ставится в настоящей работе, формулируется иначе, каким образом меняется внутренняя архитектура социально-психологической безопасности студента, если стрессогенный социальный контекст приобретает хронический характер?

Студенческий возраст представляет собой период, в котором такие базовые структуры личности как идентичность, ценностно-смысловая сфера и репертуар социальных ролей находятся в активном становлении. По Э. Эриксону, на этот возраст приходится нормативный кризис идентичности, требующий устойчивого «социального зеркала» для интеграции образа Я [1, с. 54]. При этом А. Маслоу включает потребность в безопасности в число фундаментальных, депривация которой блокирует продвижение к более высоким уровням развития личности [2, с. 87]. Если в обычных условиях образовательная среда вуза способна частично компенсировать дефицит социальной устойчивости, то в условиях затяжного социального напряжения её защитный ресурс закономерно ограничен.

В отечественной науке сложилось несколько подходов к пониманию исследуемого феномена. Так, И.А. Баева трактует психологическую безопасность как состояние сохранности психики и среды, обеспечивающее устойчивое развитие субъекта [3, с. 27]. В свою очередь, О.Ю. Зотова акцентирует личностный план – переживание собственной защищённости и принятие окружающего мира [4, с. 62].

Существенный вклад в разработку проблемы внесла Т.В. Эксакусто, которая выделила социально-психологическую безопасность в самостоятельный научный конструкт и определила её как состояние динамического равновесия, основанное на взаимосвязи трёх компонентов. Когнитивный компонент отражает согласованность и целостность представлений личности о социальном мире, эмоционально-мотивационный связан с удовлетворённостью межличностными отношениями, а конативный характеризует степень защищённости человека в процессе реального социального взаимодействия [5, с. 134]. Именно компонентная модель

открывает возможность ставить вопрос не о «понижении» безопасности, а о её структурной деформации.

Эмпирические работы последних лет показывают, что российская студенческая молодёжь демонстрирует рост социальной тревожности и снижение субъективного благополучия, причём интенсивность этих процессов варьирует территориально [6, с. 135]. Сравнительные исследования, в которых структура безопасности оценивалась бы у студентов приграничных и удалённых от зоны конфликта регионов, представлены единичными работами, что определяет научную новизну исследования.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что социальное напряжение, переживаемое студентами приграничного региона как хроническое, приводит не к равномерному снижению всех компонентов социально-психологической безопасности, а к их рассогласованию, при котором эмоционально-мотивационная составляющая страдает в большей степени, чем когнитивная.

Эмпирическая часть работы выполнена на выборке из 58 студентов в возрасте 17-25 лет, из которых 27 юношей и 31 девушка. Респонденты разделены на две сопоставимые по численности группы. Первую группу (n=29) составили обучающиеся вузов Республики Крым (КФУ им. В.И. Вернадского) и г. Севастополя (СевГУ) – регионов, относимых в работе к категории территорий с устойчивым социальным напряжением вследствие географической близости к зоне вооружённого конфликта. Вторую группу (n=29) образовали студенты вузов Москвы, Санкт-Петербурга, Иванова, Ростова-на-Дону и Краснодар.

Психодиагностический комплекс включал опросник «Социально-психологическая безопасность» Т.В. Эксакусто, методику диагностики типа коммуникативной установки В.В. Бойко, методику «Социально-психологические характеристики субъекта общения» В.А. Лабунской и индекс жизненной удовлетворённости (LSIA) В. Neugarten в адаптации Н.В. Паниной.

Различия между группами оценивались по U-критерию Манна–Уитни (IBM SPSS Statistics 23).

Результаты покомпонентного анализа социально-психологической безопасности свидетельствуют о более сложном характере выявленных различий, чем простое снижение её общего уровня. Несмотря на то что интегральный показатель социально-психологической безопасности у студентов приграничного региона оказался статистически значимо ниже по сравнению со студентами контрольной группы ($M = 26,38$; $SD = 3,10$ против $M = 32,17$; $SD = 3,67$; $U = 100,0$; $p < 0,001$), структура данного снижения не является однородной. Отдельные компоненты социально-психологической безопасности демонстрируют различную степень выраженности различий между исследуемыми группами, что указывает на неодинаковую чувствительность когнитивного, эмоционально-мотивационного и конативного аспектов к условиям жизнедеятельности в приграничном регионе. Сравнительный анализ средних значений по трём компонентам модели Т. В. Эксакусто представлен на рисунке 1.

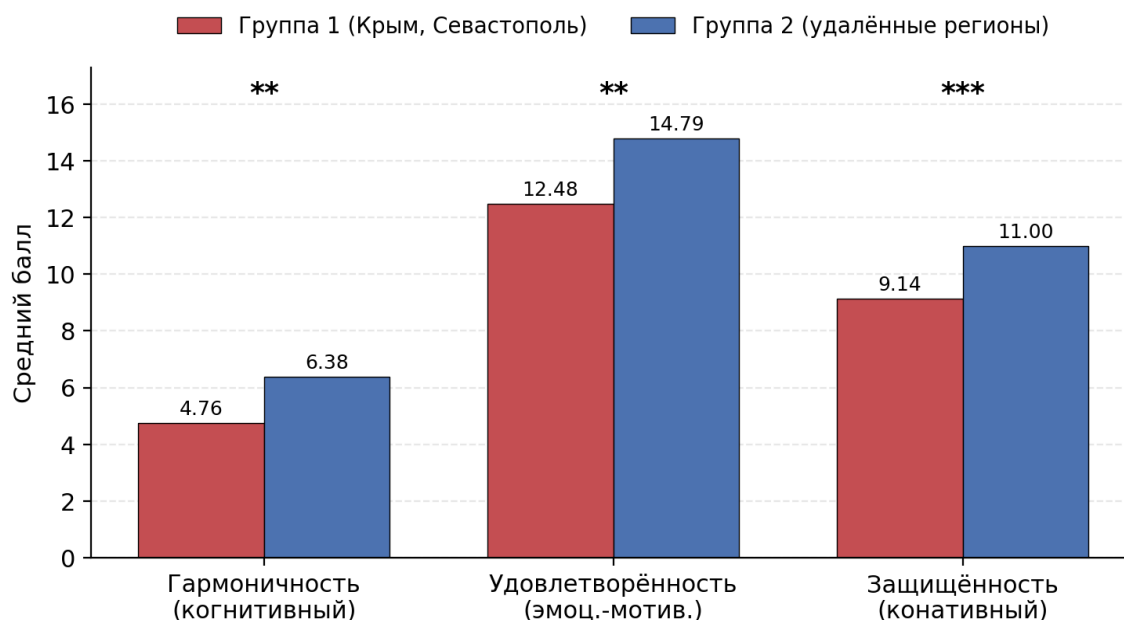

Рисунок 1. Профиль социально-психологической безопасности в группах сравнения (– $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$)**

Из рисунка 1 видно, что снижение наблюдается по всем трём компонентам, однако его относительная глубина различна. Внимательное

чтение распределений по уровням обнаруживает то, что не считается с одних лишь средних значений. Хотя средняя гармоничность представлений о социальном мире в группе 1 ниже статистически, на индивидуальном уровне когнитивный компонент сохраняется у подавляющего большинства обследованных. Так, 86,2% респондентов группы 1 удерживают средний или высокий уровень гармоничности. Иную картину даёт эмоционально-мотивационный компонент, удовлетворённость отношениями, представленный в виде распределения по уровням на рисунке 2.

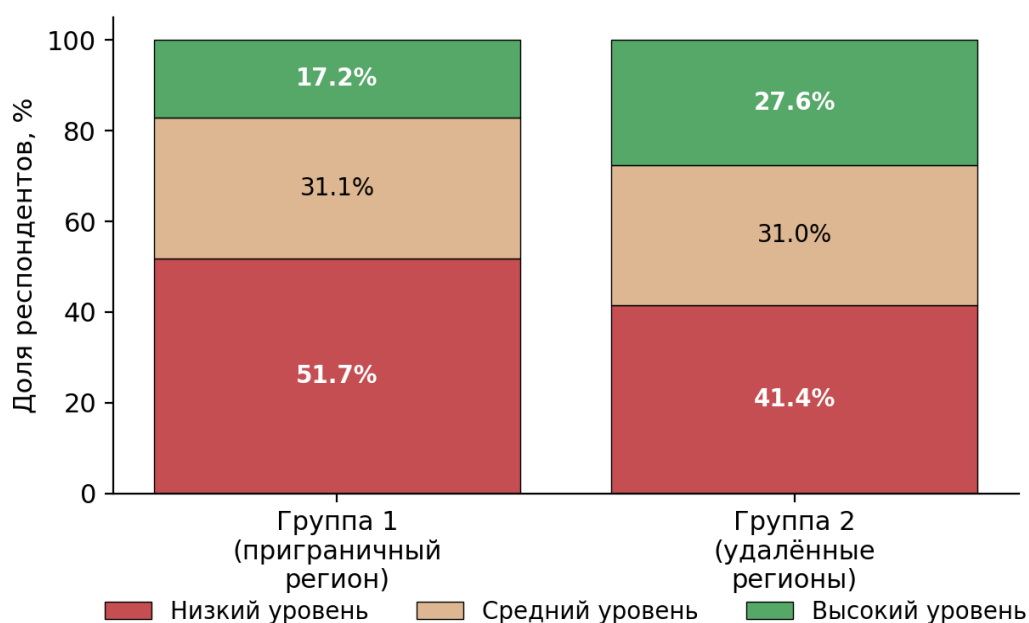

Рисунок 2. Распределение респондентов по уровням удовлетворённости отношениями

Как видно из данных, представленных на рисунке 2, среди студентов приграничного региона значительно выше доля респондентов с низким уровнем удовлетворённости отношениями, которая составляет 51,7%, тогда как в группе сравнения данный показатель равен 41,4 %. В то же время доля студентов с высоким уровнем удовлетворённости заметно ниже и составляет 17,2% против 27,6% в контрольной группе. Полученные результаты свидетельствуют о том, что при относительно сохранном восприятии социальной реальности у значительной части обучающихся наблюдается недостаток позитивных эмоциональных переживаний, связанных с межличностным взаимодействием. Иными словами, когнитивный компонент

социально-психологической безопасности остаётся сравнительно устойчивым, тогда как эмоционально-мотивационный компонент демонстрирует признаки неблагополучия. Данное рассогласование между сохранностью представлений о социальном мире и сниженной удовлетворённостью социальными отношениями представляется одним из наиболее значимых результатов проведённого исследования, поскольку отражает скрытые изменения в структуре социально-психологической безопасности студентов приграничного региона.

Для более глубокого понимания механизмов, лежащих в основе выявленного дисбаланса компонентов социально-психологической безопасности, были использованы дополнительные диагностические методики. Результаты исследования коммуникативных установок по методике В.В. Бойко показали, что общий уровень негативных коммуникативных установок в обеих группах остаётся сравнительно низким, а различия по интегральному показателю не достигают статистически значимого уровня ($M = 25,79$ против $M = 24,21$; $U = 363,5$; $p = 0,374$).

Вместе с тем анализ отдельных компонентов выявил ряд особенностей. Так, студенты приграничного региона продемонстрировали более высокие показатели по шкалам «Завуалированная жестокость» (7,41 против 5,82) и «Негативный личный опыт» (4,41 против 3,86). Полученные данные свидетельствуют о том, что внешне благожелательное и социально приемлемое отношение к окружающим не исключает наличия внутренней настороженности, повышенной чувствительности к негативному опыту взаимодействия и скрытого недоверия к другим людям. Иными словами, декларируемая открытость в общении у части респондентов сочетается с латентными негативными ожиданиями и более осторожным отношением к социальным контактам. Подобное сочетание характеристик может рассматриваться как адаптационная реакция на длительное воздействие факторов социальной неопределённости и хронического стресса, когда прямое

выражение негативных эмоций ограничивается социальными нормами, а психологическое напряжение приобретает скрытые формы проявления.

Особый интерес представляют данные по сензитивности к различным сторонам межличностного общения, полученные по методике В.А. Лабунской и представленные на рисунке 3.

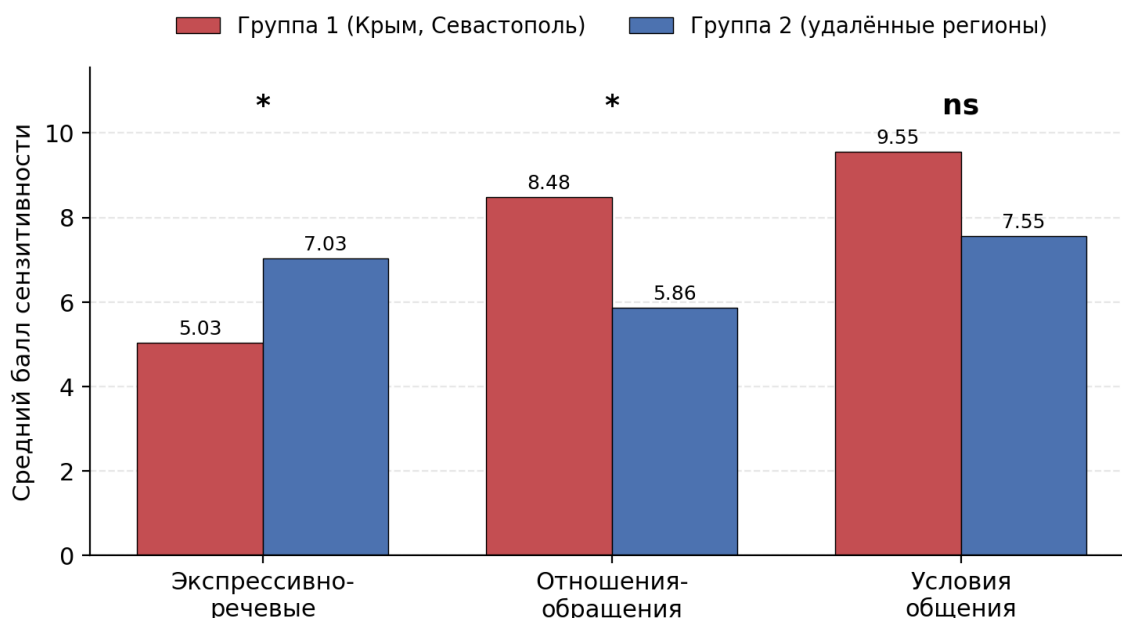

Рисунок 3. Профиль сензитивности к сторонам общения (* – $p < 0,05$; ns – различия незначимы)

Дальнейший анализ особенностей межличностного восприятия показал, что студенты первой группы значительно более чувствительны к проявлениям безразличия со стороны партнёров по общению. Это подтверждается более высокими показателями по шкале «Отношения-обращения», отражающей восприятие недостатка внимания, заинтересованности и эмоциональной включённости собеседника ($M = 8,48$ против $5,86$; $U = 276,5$; $p = 0,024$). Кроме того, среди студентов приграничного региона были выявлены респонденты с высоким уровнем чувствительности к подобным проявлениям, доля которых составила 6,9%, тогда как в группе сравнения аналогичные показатели отсутствовали. Статистически значимые различия были также обнаружены по экспрессивно-речевым характеристикам общения ($U = 288,5$; $p = 0,039$), а по шкале чувствительности к условиям общения зафиксирована тенденция к

более высоким значениям у студентов первой группы ($M = 9,55$ против $7,55$; $p = 0,061$).

Полученные результаты позволяют предположить, что обучающиеся приграничного региона более внимательно и эмоционально воспринимают даже незначительные социальные сигналы, связанные с возможным отвержением или недостатком внимания со стороны окружающих. Подобная повышенная чувствительность может рассматриваться как адаптационный механизм, формирующийся в условиях длительной социальной напряжённости и неопределённости.

В ситуации фоновой угрозы возрастает значимость межличностных сигналов, вследствие чего психика становится более восприимчивой к признакам потенциального неблагополучия в отношениях. Однако в долгосрочной перспективе такая стратегия может иметь и негативные последствия, поскольку способствует более частому восприятию нейтральных социальных контактов как эмоционально неблагополучных, снижает субъективную удовлетворённость межличностными отношениями и тем самым поддерживает ранее выявленный дисбаланс между когнитивной сохранностью и эмоционально-мотивационным неблагополучием в структуре социально-психологической безопасности личности.

Замыкает выявленную картину интегральный показатель психологического благополучия. Покомпонентные данные индекса жизненной удовлетворённости (LSIA) представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнение показателей жизненной удовлетворённости (LSIA) в группах исследования

Шкала LSIA	Группа 1, M (SD)	Группа 2, M (SD)	U	p
Интегральный индекс жизненной удовлетворённости	14,38 (3,11)	17,48 (3,99)	240,5	0,005
Общий фон настроения (оптимизм / пессимизм)	2,38	4,76	133,5	< 0,001

Согласованность (оценка себя и достижений)	1,83	3,10	223,0	0,002
--	------	------	-------	-------

Как показывают данные, представленные в таблице 1, студенты приграничного региона характеризуются более низким уровнем общей удовлетворённости жизнью по сравнению со студентами группы сравнения. Наиболее выраженные различия выявлены по шкале «Общий фон настроения», значения которой у студентов первой группы оказались почти в два раза ниже. Существенное снижение наблюдается также по шкале «Согласованность», отражающей степень позитивного отношения к себе, собственным достижениям и жизненному пути. В то же время по шкалам «Интерес к жизни» и «Последовательность в достижении целей» статистически значимых различий между группами обнаружено не было, что свидетельствует о сохранении у большинства респондентов жизненной активности и способности к целеполаганию.

Анализ распределения уровней жизненной удовлетворённости подтверждает выявленную тенденцию. Так, низкий уровень интегральной удовлетворённости жизнью был зафиксирован у 31% студентов приграничного региона, тогда как в группе сравнения данный показатель составил 24,1%. Напротив, высокий уровень удовлетворённости жизнью встречался заметно реже – у 17,2% студентов первой группы против 27,6% во второй. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что выявленный ранее дисбаланс компонентов социально-психологической безопасности не ограничивается сферой межличностных отношений, а оказывает влияние на более широкий уровень субъективного благополучия личности. Снижение эмоциональной удовлетворённости социальным взаимодействием сопровождается ухудшением общего эмоционального фона и менее позитивной оценкой собственной жизни, что находит отражение в снижении интегрального показателя жизненной удовлетворённости.

Полученные результаты допускают следующую обобщающую интерпретацию. Хроническое социальное напряжение, в отличие от острых

стрессогенных событий, действует на личность студента избирательно: оно падает когнитивный «фасад», заметнее снижает когнитивный ресурс защищённости и наиболее глубоко затрагивает эмоционально-мотивационный слой переживания безопасности. Этот паттерн опасен именно своей внешней благополучностью – снаружи студент выглядит адаптированным и сохраняет внятную картину социального мира, тогда как изнутри переживает дефицит удовлетворённости и сниженный фон настроения.

С практической точки зрения сказанное означает, что психологическим службам вузов в регионах с устойчивым социальным напряжением следует отказаться от ориентации преимущественно на «явных» носителей дезадаптации и переориентироваться на работу со скрытым эмоциональным дефицитом – через групповые форматы, направленные на восстановление позитивных межличностных переживаний, через обучение точной атрибуции социальных сигналов для смягчения сверхчувствительности к признакам безразличия и через программы поддержания общего фона настроения. Когнитивная сохранность большинства студентов в этой ситуации выступает не поводом для успокоения, а ресурсом, на который такая работа может опираться.

В заключение стоит подчеркнуть, что предложенная оптика через фиксацию не просто уровня, а структурного профиля социально-психологической безопасности, позволила увидеть в условиях хронического социального напряжения не просто «менее благополучных» студентов, а специфическую конфигурацию, в которой когнитивная гармоничность сосуществует с эмоциональным дефицитом и повышенной коммуникативной сензитивностью. Подтверждение этой конфигурации на расширенных выборках и в лонгитюдном дизайне, а также её апробация в качестве мишени дифференцированных программ психологической поддержки составляют ближайшие перспективы продолжения исследования.

Использованные источники:

1. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. – 352 с.
2. Маслоу, А.Х. Мотивация и личность / А.Х. Маслоу. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
3. Баева, И.А. Психологическая безопасность в образовании : монография / И.А. Баева. – СПб.: СОЮЗ, 2002. – 271 с.
4. Зотова, О.Ю. Психологическая безопасность личности / О.Ю. Зотова. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2011. – 190 с.
5. Эксакусто, Т.В. Теоретические основы социально-психологической безопасности : монография / Т.В. Эксакусто. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2017. – 344 с.
6. Зинченко, Е.В. Социальная тревога российского студенчества: территориальный аспект / Е.В. Зинченко, В.И. Филоненко, Л.С. Деточенко, В.Д. Вороная // Научный результат. Социология и управление. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 133-149.
7. Муравщенкова, Н.В. Психологическое состояние российской студенческой молодёжи в условиях кризиса / Н.В. Муравщенкова // Психологическая наука и образование. – 2024. – Т. 29, № 4. – С. 63-73.
8. Кабаченко, Т.С. Методы психологического воздействия : учебное пособие / Т.С. Кабаченко. – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 544 с.
9. Грачев, Г.В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты / Г.В. Грачев. – М.: Изд-во РАГС, 1998. – 125 с.